

СЕРГЕЙ КАШКОВ

Шулаевский
КОЛДУН

Серж Кашков

Шулаевский колдун

«Автор»

2026

Кашков С.

Шулаевский колдун / С. Кашков — «Автор», 2026

В глухой деревне Шулаевка, что приютилась у подножия древнего леса Элдрин, живёт неприметный и всеми гонимый мальчик Илья. Однажды ночью таинственный шёпот леса приводит его к заброшенной хижине, где он находит древний гримуар — «Хроники Теней Элдрина». Так в душе обиженного подростка пробуждается запретная магия, а жажда мести и власти превращает его в безжалостного колдуна.

© Кашков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шепот Леса	6
Глава 2. Книги забытых заклинаний	9
Глава 3. Шестнадцатая Луна	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Серж Кашков

Шулаевский колдун

ШУЛАЕВСКИЙ КОЛДУН

Глава 1. Шепот Леса

Древний лес Элдрин раскинулся на бескрайних просторах, словно живое дышащее существо. Тысячелетние дубы и ясени сплетались кронами так, что солнечные лучи едва пробивались к земле, окрашивая всё вокруг изумрудным оттенком. Исполинские, вековые деревья сплетали свои скрюченные ветви в плотный купол, сквозь который сочился мертвенно-серый свет, превращая день в вечные сумерки. Говорили, что ветер здесь не просто дул – он шептал. Иногда слышалось, что он вздыхал, иногда смеялся, а порой даже казалось, что он хрипит, задыхаясь от собственной древности.

У подножия возвышенности под названием «Холм шепчущих теней» приютилась деревня Шулаевка. Дома, сложенные из речного камня и крытые толстым слоем мха будто вырастали из самой земли, а тропинки между ними утопали в опавших прелых листьях.

– Егор, ну сколько можно об одном и том же? – Марфа, старейшая из местных бабок, отхлебнула из кружки мутную брагу и поморщилась. – Про духов, да про лес. Народ уже наизусть всё выучил.

Старейшина Егор, седой как зимний иней, попыхивал трубкой у вечернего костра. Лицо его было изборождено морщинами – настоящая карта прожитых лет.

– А ты, Марфа, знаешь поговорку: Повторение – мать учения? – Егор махнул трубкой в сторону леса. – Вон Петька-то с друзьями опять к опушке гнилой рощи сунулся. Не боится! А надо бы.

– Да брось ты! – вмешался Влад-кузнец, здоровяк с бородой, черной от копоти и въевшейся грязи. Он отхлебнул медовухи и вытер рот рукавом. – Это ж дети. Им шишек набить надо, чтоб ум пришёл. Меня в их годы чуть твари лесные не сожрали – и ничего, вырос.

– Вырос-то, вырос, – пробормотала Марфа, разглядывая в зеркальце своё лицо, походившее на печеное яблоко, – только мозгов не прибавилось.

Влад хотел огрызнуться, но в этот момент с площади донёсся детский визг. Дети, смеясь носились по улицам, размахивая сучковатыми палками, воображая бой на мечах. Голоса их звенели, как колокольчики. Те, что постарше играли в битую.

Среди общей шумихи выделялся мальчик Илья. В свои четырнадцать лет он был щуплый и бледный, физически сильно уступая сверстникам. В глазах горел какой-то странный внутренний огонёк. Он стоял в стороне, прислонившись к забору, и наблюдал за играющими сверстниками с выражением, которое трудно было назвать дружелюбным.

– Эй, Илья-призрак! – заорал Петр, рыжеволосый отпрыск кузнеца, размахивая палкой. – Иди к нам! Или кишка тонка?

– Отстань, Петька, – пискнула какая-то девчонка. – Он же больной. От него заразой несет.

– Не заразой, а могилой, – хихикнул другой мальчишка. – Вечно бродит один, как сыч, какой.

Илья не удостоил их ответом. Он просто повернулся и медленно пошёл к опушке леса. «Здесь я чужой, а там, в глубине леса, зовут меня» – думал он, касаясь ладонью шершавой коры древнего дуба.

Дома мать Анна хлопотала у очага с усталыми глазами и мозолистыми руками. С тех пор, как муж утонул в реке во время весеннего половодья, Анна жила воспоминаниями, пряча боль за бесконечной работой.

– Илюша! – крикнула она, заметив сына у окна. – Ну сколько можно в эти дебри пялиться? Иди! Корову надо сдаивать. Сил моих больше нет.

– Сейчас, мама, – отозвался Илья тихо, не отводя взгляда от леса.

– Сейчас, сейчас... – проворчала Анна, помешивая кашу. – То в лесу пропадаешь, то сидишь у окна. Не мальчик, а наказание какое-то.

Она помолчала, потом вздохнула и добавила мягче:

– Понимаю, тяжело тебе без отца. Мне тоже. Но жить-то надо, сынок. Корова сама себя не подоит.

Илья кивнул и нехотя встал. Мать любила его, но не понимала, что с ним происходит. Никто не понимал. Вечерами, когда посёлок засыпал, Илья сидел у окна и смотрел в темноту. В его душе теплилось что-то необъяснимое – не детская мечта, а глубокая, почти болезненная уверенность. «Я не такой, как они, – думал он. – Во мне есть сила. Я чувствую её».

Ночами ему снились странные вещи: пламя, танцующее на ладони; тени, которые тянулись к нему как живые существа; голоса из бездны, что шептали: «Проснись... Возьми своё».

Однажды вечером, накануне большого деревенского схода, Илья сидел у костра на площади. Старейшина Егор рассказывал легенду о колдуне Элдрине – одну из тех историй, что передавались из поколения в поколение.

– Говорят, – Егор затянулся трубкой и выпустил идеальное кольцо дыма, – Элдрин одним словом заставлял деревья выворачивать свои корни, а реки течь вспять. Силища была! Но... Сила его погубила. Колдовство всегда требует плату. Помните, братцы: магия – как огонь в очаге. В меру – греет, не в меру – спалит дотла.

Дети испуганно затихли. Взрослые кивнули, крестясь амулетами из коры священного дуба. Илья же замер, впитывая каждое слово. В его пепельных глазах вспыхнул голодный огонек.

– Колдун... – прошептал он едва слышно. – Может, и я...

Петр грубо ткнул его локтем в бок.

– Смотри, упырь проснулся! – Он расхохотался, брызгая слюной. – Эй, призрак, покажи фокус! Ну, давай, заколдуй меня!

Смех разнёсся вокруг. Илья сжал кулаки так, что побелели костяшки, но промолчал, опустив взгляд.

Когда сумерки окончательно утопили деревню во мраке, все разбрелись по своим домам. Илья лежал на соломенном тюфяке, но гнилой шепот леса не давал покоя. Он проникал сквозь щели в стенах, вкрадчивый, настойчивый и манящий: «Иди... Ищи... Твоё время близко»

Он приподнялся и посмотрел в окно. Вдалеке, чернели силуэты деревьев и лишь кроны серебрились в лунном свете. Лес, словно древний страж, хранящий свои тайны, одновременно и пугал, и манил к себе. Что это за тайны и почему душа так рвётся в этот лес? Откуда-то изнутри Илье пришло знание, холодное и острое, как осколок льда: завтра он получит ответы.

Глава 2. Книги забытых заклинаний

Луна висела над Шулаевкой низко и тяжело, словно всевидящее око какого-то древнего божества. Илья лежал, не смыкая глаз, слушая далёкое уханье совы. Магнетизм леса, усиленный ярким лунным светом, достиг своего апогея. Хватит сопротивляться. Мальчик бесшумно сполз с соломенного тюфяка и, натянув сапоги, беззвучной тенью проскользнул за дверь. Его не влекло, его тащило – жгучий крюк, вонзившийся в его нутро, тянул его прямо в сердце гнилой роши. Не о чем не думая он шёл на зов, пробираясь по лесу сквозь скрюченные ветви, не замечая царапин, пока не вывалился на плешистую, заросшую бурьяном поляну. Зброшенная хижина маячила в полумраке, как призрак из прошлого. Илья слышал о ней. Много лет назад её хозяином был странствующий старец – высокий бородач с гусями из драконьего дерева и глазами, полными звёздных историй. Он пел баллады о героях и чудовищах, о магах, что правили бурями. Но однажды старец ушёл вглубь леса Элдрин и не вернулся. С тех пор хижина пустовала. Крыша провисла, стены поросли плющом, дверь висела на одной петле и скрипела от малейшего дуновения ветра. «Гиблое место, – шептали в деревне, обходя его стороной. – Там селятся твари, что выползают из-под земли».

Илья толкнул дверь. Она застонала протяжно, точно умирающее существо. Внутри царил хаос забвения: пыль танцевала в лунных лучах, паутина свисала тяжёлыми гирляндами, пол был усыпан обрывками пергамента.

В углу, на шатком столе, громоздилась книга – потрёпанная временем, с обложкой из задубевшей потемневшей кожи, с вытисненными на ней странными рунами, что слабо мерцали в темноте.

Мальчик замер, затаив дыхание.

– Это оно, – прошептал он, протягивая дрожащую руку.

Пальцы коснулись гримуара. На обложке проступили выцветшие буквы: «*ХЕРАГЛЫЮ ИКИЧ С ПРЮЖДО ЫЛОЫЛШ ЭЛДРИН ЫЛЫ*». В первую секунду Илья одёрнул руку и подумал, что это тарабарщина какая-то, бессмыслица. Но как только его кожа вновь соприкоснулась с кожей книги, по телу прошла судорога, и знание. Чужое и острое знание вонзилось в молодой мозг. «Хроники Теней Элдрина!» – выдохнул он. В воздухе пахло тухлым яйцом. Илья поморщился и распахнул книгу. Страницы зашелестели, выпуская запах плесени и старой кожи. На губах появился металлический привкус крови. До этого дня он не знал грамоты. Сила, пробудившаяся в нем, позволяла не читать – она позволяла впитывать знание, просто касаясь пальцами золотистых, ядовитых рун. Буквы плясали перед глазами – древний язык, смешанный с символами: круги, перечёркнутые молниями, спирали тьмы, зигзаги пламени, уходящие в бездонную черноту.

– *Ашаллат, каратэль!* – прочел он вслух, и его собственный голос показался ему чужим, трубным и надтреснутым. – Пробуди тьму!

– Да, – слышался неизвестно откуда многоголосый шёпот. – Да! Да! Да! – подхватили деревья, кусты, листья и каждая травинка.

От такого потока энергии закружилась голова и мальчика стошнило. Он склонился над лужицей воды и застыл. Из мутной глади на него смотрело повзрослевшее лицо. Оно было жестче, скулы заострились, а в глазах застыл холод. Илья вымылся, пригладил волосы и снова взял в руки книгу. В тот же миг со страниц сорвался тонкий, едкий дымок, сплетаясь в прозрачные образы. Илья снова увидел себя – но не забитого деревенского мальчишку, а нечто иное. Он стоял на вершине холма, и пламя танцевало на его ладони, послушное, как домашний пёс. Тени от деревьев удлинялись и тянулись к нему, словно живые. Ветер сворачивался в вихрь по одному его мысленному приказу. Илья выдохнул: «Это правда! Это моя сила!» Сердце застучало молотом. Он впивался в страницы, жадно, как умирающий от голода, не в силах остановиться. Заклятия подчинения. Ритуалы. Слова, сплетающие иллюзии. Каждое слово жгло душу, как раскалённое железо, но боль была сладкой – она пробуждала что-то дремавшее внутри.

Часы пролетели незаметно. Лишь крик петухов, возвестивший о рассвете, вырвал его из транса. Илья спрятал книгу в гнилой тайник и прокрался домой.

Утро встретило его туманом и ароматом свежее испечённого хлеба. Анна уже хлопотала у печи, мешая кашу деревянной ложкой.

– Где ты был, сынок? – строго спросила она, заметив грязь на одежде. – Опять бродил по ночам? Сколько раз говорила – лес не игрушка!

Илья улыбнулся – спокойно, почти невинно. Но в глазах мелькнула тень, которую мать не могла не заметить.

– Просто гулял, мам. Сон не шёл, вот и решил пройтись.

– Эти твои прогулки... – Анна вздохнула, и, качая головой, поставила миску с кашей на стол. – Я вижу перемены, Илюша. Глаза горят, как у волка перед охотой. Не ходи в гнилую рощу. Старейшина предупреждал: чёрные силы манят, а потом губят.

Он кивнул покорно, опуская взгляд в миску. День прошёл в привычных делах: рубка дров для очага, работа в огороде, где нужно было полоть сорняки. Но мысли Ильи витали далеко – в том мире магии, где он был не изгоем, а королём.

Вечером, когда солнце склонилось к горизонту, Илья отправился к ручью за посёлком. Там его уже ждали сверстники. Это был заводила Петр, рыжий здоровяк с молотообразными кулаками, Димка-коротышка, вертлявый шутник, и трое крепышей из пастухов.

– Эй, колдунишка! – заорал Петр, преграждая путь. – Опять к теням бегал? Покажи фокус, или мы тебя утопим!

Илья попытался обойти их, но мальчишки сомкнули кольцо. Первый полетевший камень угодил в плечо. Второй – в спину. Илья вздрогнул от боли, но не закричал.

– Уродец! – хохотал Димка. – Лесное отродье!

Петр шагнул вперёд, схватил Илью за ворот рубахи, легко приподнял и швырнул в ручей. Холодная вода сомкнулась над головой, но Илья не кричал и не сопротивлялся. Он смотрел вверх, сквозь рябь воды, и видел их силуэты на берегу – смеющиеся, торжествующие. В его глазах отражалась ледяная, спокойная злоба.

Они ушли, довольные собой. Илья выбрался на берег, весь промокший, стиснув зубы так, что скулы свело. Кровь из рассечённой губы капала в воду, окрашивая её алыми разводами.

«Вы заплатите, – прошептал он в пустоту, сжимая кулаки до хруста. – Все вы. Клянусь».

В тот вечер Илья не стал ужинать. Сказал матери, что устал, и лёг рано. Но как только луна взошла на небо, он снова выскользнул из дома и прокрался к заброшенной хижине. Гримуар ждал его, словно старый друг. «*Аишшалат, каратэль!*» – повторял он шёпотом, водя пальцем по строчкам.

Тени в углах хижины шевельнулись, словно приветствуя своего будущего хозяина. С каждым разом видения становились ярче, чётче. Они сгущались, сплетаясь в уродливые, но покорные фигуры.

Мать Ильи стояла по ночам у окна, вглядываясь в темноту. Лицо её было бледным, глаза полны тревоги. «Что с тобой творится, сынок? – шептала она, прижимая к груди амулет-оберег. – Боги, спасите его душу. Защитите от зла». Но боги молчали, а лес шептал всё громче и настойчивее.

Шулаевка спала, не ведая, что в сердце одного из её сыновей разгорается пламя, способное спалить всё дотла.

Глава 3. Шестнадцатая Луна

Дни в Шулаевке сливались в один бесконечный ритм: рассветы, пропитанные туманом; пот от тяжёлого труда; вечера у костра с байками Егора, которые он рассказывал с неизменным энтузиазмом. Но для Ильи время текло иначе – оно созревало, как плод, готовясь лопнуть переспелостью.

Ему исполнялось шестнадцать. По обычаю предков это был важный возраст – мальчик становился мужчиной, способным держать топор или секиру, брать ответственность за семью. В деревне это отмечали весело: пир с медовухой, танцы под дудки и обряд у священного дуба.

Но Илье было плевать на пир. Его разум пожирал гримуар. Каждую ночь он пробирался в заброшенную хижину и зубрил заклинания, пока пальцы не синели от могильного холода пергамента. Книга впитывалась в него, вгрызаясь в мозг строчками проклятий.

«*Аишшалат, каратэль*» – эти слова жгли язык, но обещали перерождение. Одновременно с этим происходила и окончательная смерть того юноши, которым он был.

Шестнадцатая луна совпала с полнолунием – редкое событие, о котором шептались старики: «Звёзды плетут узор судьбы. В такую ночь рождаются герои или чудовища. Как повезёт».

Небо над Элдрином очистилось от туч, обнажив серебряный диск луны – огромный, пульсирующий, словно живое сердце. Воздух звенел от предчувствия: листья шелестели без ветра, ручьи бормотали что-то на своём языке, животные попрятались в норы.

Шулаевка спала, утонув в пьяном забвении. Медовуха лилась рекой весь вечер, песни смолкли лишь ближе к полуночи, и теперь храп разносился из хижин.

Илья ждал этого часа. В полночь он встал, накинул плащ отца и взял в руки сапоги. Мать Анна спала у остывающего очага, уставшая после хлопот. Илья подошёл к ней, на мгновение замер, глядя на измождённое лицо.

– Прости, мама, – прошептал он почти беззвучно и поцеловал её в лоб. – Но это мой путь.

Он растворился в лунном свете, не скрипнув дверью. Лесная тропинка привычного пути была усыпана опавшими листьями, что хрустели под ногами. Ветер шептал: «Да... Иди... Твоё время пришло». Ярость от недавних побоев превратилась в холодную решимость. Забрав с заброшенной хижины гримуар, он отправился на свой первый ритуал.

Юный колдун шагал мрачным силуэтом на фоне звёздного неба. Склон холма был покрыт густым ковром папоротников, а вершину венчал древний дуб – патриарх леса Элдрина. Его ствол был толщиной с три обхвата взрослого мужчины, избороздён рунами предков. Корни выпирали из земли, словно когти дремлющего великана. Лунный свет серебрил кору, придавая цвет кости. Илья встал у подножия и вдохнул глубоко. Он достал кусок известняка, выломанного из старой могильной плиты и, опустившись на колени, начал чертить круг. Линии ложились ровно, образуя пентаграмму диаметром в три шага: пять лучей, соединённых сложными завитками, напоминающие разинутую пасть с пятью клыками.

Руки дрожали, но не от страха – от предвкушения.

Закончив круг, Илья достал небольшой нож. Лезвие хищно блеснуло в лунном свете и без колебаний полоснуло по ладони. Кровь хлынула алым потоком в центр пентаграммы и земля зашипела, впитывая её.

«

Аишалат, каратэль!

Кровью своей клянусь, принимая тьму!» – шептал Илья, и голос его окреп, набирая силу. Последние слова он прокричал так громко, что эхо отразилось от холма и покатилося по лесу. Земля содрогнулась. Почва задрожала, как от подземного толчка. Корни древнего дуба зашевелились, выгибаясь причудливыми дугами. Ветер взвыл, срывая листья и закручивая их в воронку. Луна на миг потемнела, словно на неё набежало невидимое облако. Из груди Ильи вырвался вихрь, чёрный, как беззвёздная ночь. Всё вокруг окуталось тенями и багровыми искрами. Вихрь закружил мальчика, впиваясь в него тысячами невидимых игл, проникая под кожу, в сердце, в самую душу. Боль была абсолютной. Кости ломались с треском, мышцы разрывались, и всё срасталось заново – крепче, плотнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.